

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.8
EDN: QUKIEH

Л.А. КОЗЛОВА¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: «ПРОГРАММА» К.Д. КАВЕЛИНА

Аннотация. В статье исследуются представления Константина Дмитриевича Кавелина (1818–1885), русского социального мыслителя и общественного деятеля, о задачах социально-научного познания его времени. Даются историческое описание интеллектуальных влияний, феноменологическое описание личного опыта Кавелина, сделан текстологический анализ его поздних работ, затронуты некоторые источниковедческие вопросы, касающиеся идейной атмосферы эпохи и творчества мыслителя. Предпринимается попытка исследовать позднее наследие Кавелина с историко-социологической, социально-философской и эпистемологической точек зрения, в разрезе эволюции его идей, направленных на разработку методологии социального познания, чему ранее не уделялось внимание в научной литературе. Используются труды 1870–1880-х гг., письма и воспоминания Кавелина и его окружения, а также работы современных российских обществоведов.

Показано, что интерес К.Д. Кавелина к духовно-нравственной жизни российских людей, «нашему умственному строю» имел личностные основания и смыслы, связан с его мировоззрением, чертами характера, влияниями интеллектуального окружения и общественными интересами. Приводятся оценки Кавелиным главных направлений российских философии и науки. Критикуя их, он предлагает собственное видение развития социального познания, которое с долей условности можно назвать теоретико-методологической «программой». В ее центре — внимание к изучению человека, его потребностей и путей духовно-нравственного, психического развития; отдельная личность, по Кавелину, — главный элемент общества и двигатель общественного прогресса. Комплекс теоретико-методологических идей Кавелина основан на синтезе психологических и этических воззрений, развитие социальной мысли ставится им в зависимость от состояния и перспектив психологии и этики как приоритетных наук для познания человека и общества современной ему России.

Выявлено, что «программа» позднего Кавелина эволюционирует от постановки задач психологических к задачам этико-философским и в конечном итоге определяется синтезом его психологических и социально-философских представлений. В его мировоззрении и предлагаемой методологии социального познания прослеживаются принципы социологического номинализма, антропоцентризма, психологизма. Сделаны выводы о вкладе учения К.Д. Кавелина в историю русской мысли, о культурологическом значении «программы», о связи теоретических идей мыслителя с дореволюционными социально-научными традициями в России.

Ключевые слова: К.Д. Кавелин (1818–1885); история русской социальной мысли второй половины XIX в.; интеллектуальная атмосфера в России; «наш умственный строй»; социологический номинализм; антропоцентризм; психологизм; эпистемология; психология; этика; социальная философия; традиция русской мысли.

Для цитирования: Козлова Л.А. Задачи социального познания во второй половине XIX в.: «программа» К.Д. Кавелина // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 146–174. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.8](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.8) EDN: QUKIEH

Введение

Русскую мысль второй половины XIX в. можно считать прелюдией к институциональному становлению социальных и гуманитарных наук. Идеи, связанные со становлением истории, психологии, этнографии, антропологии, развивались в университетах, в научно-публицистических изданиях. После отмены крепостного права и знакомства русских интеллектуалов с трудами О. Конта появились начатки новой науки — социологии. Известный историк отечественной социальной мысли И.А. Голосенко отмечает, что с середины 1860-х гг. в отдельных работах под определением «философия истории “на научной основе”» упоминается термин «социология» [6, с. 3]. Первый историограф русской социологии Н.И. Кареев указывает, что в 1880-е гг. «самые слова “социология” и “социологический”» становились все популярнее. Однако они далеко не всегда соответствовали этой науке содержательно [5, с. 4]. Тем не менее к концу века было издано немало статей и книг с попытками определить предмет и метод социологии, под знаками позитивизма, неокантианства, марксизма, религиозной философии складывались различные идейные направления; также публиковались переводы западных авторов (см., например, библиографический указатель изданий второй половины XIX — начала XX в., составленный И.А. Голосенко: [5]).

К настоящему времени история отечественной социальной мысли рассматриваемого периода насчитывает немало исследований. В фокусе историко-социологических работ, как правило, объективистской ориентации, — содержание идей и направлений, биографии и вклады видных мыслителей. Еще одна обязательная тема — социально-политическая обстановка в России, влиявшая на их творчество. В этой статье речь идет о духовно-нравственной и социокультурной атмосфере, в которой формировалась русская социальная мысль. Подробно рассмотрено позднее творчество видного историка, публициста, правоведа, философа и социолога Константина Дмитриевича Кавелина (1818–1885) на предмет его представлений о путях и методах социального познания. В течение десятилетий мыслитель находился в гуще интеллектуальной и общественной жизни, в его научно-публицистических работах сочетались идеи ведущих направлений социальной мысли, анализировалась ее динамика. Духовно-нравственную атмосферу общества своего времени он в широком смысле определял как «наш умственный строй», понимая под ним российские особенности, воплощавшиеся в культуре, науке, образовании, народном быте. Из особенностей «умственного строя» он выводил и характерные черты социального познания, свои представления о его должном развитии. В 1870–1880-е гг. Кавелин предложил собственное видение путей социального познания, основанное на пси-

хологических и этических знаниях того времени и своих интерпретациях. С долей условности мы назовем это видение теоретико-методологической «программой» совершенствования социальной мысли и общественной жизни в России. Как нам представляется, именно такой смысл в свои поздние работы вкладывал их автор, хотя ни сам он, ни кто-либо из его окружения не воспользовались этими идеями как исследовательской программой в буквальном смысле. Причины тому, по-видимому, кроются в становящемся, пульсирующем характере социального познания того времени, многоголосии подходов и позиций.

Идеи психологические и этические не полностью покрывают вклад Кавелина в копилку интересующей нас проблематики. Ему принадлежат программные труды по русской истории и истории права, историографии, историософии, посвященные народному быту, освобождению крестьян, правовым вопросам российского общества, в которых автор также касался методов познания¹. Статья посвящена поздним трудам Кавелина 1870–1880-х гг., ставшим своего рода духовным и научным завещанием. В них мыслитель специально сосредоточился на изучении проблем духовной и нравственной жизни науки и общества, связывая их развитие с необходимостью познания внутренней жизни личности, с разработкой соответствующих подходов и методов. Заметим, что к этому кругу вопросов он последовательно приближался с 1840-х гг. и в позднем творчестве имел возможность рассмотреть российскую мысль в исторической ретроспективе, в текущем состоянии и в перспективе. Исторические, историософские и правоведческие размышления и подвели Кавелина к мысли, что административных реформ российского общества будет недостаточно для его переустройства, что необходимо усовершенствование нравственности, определение духовных взаимоотношений личности и общества. Его «программа» посвящена обоснованию значения этики и психологии для достижения этих целей.

В советское время работы Кавелина не пользовались активным вниманием исследователей². В последние десятилетия интерес к ним возобновился — главным образом среди историков и философов. Исследователей преимущественно привлекали исторические, общественно-политические и правоведческие идеи мыслителя, его вклад как основоположника русского либерализма, одного из основателей государственной школы русской историографии³. В известных нам публикациях мы не находим специального анализа рефлексии К.Д. Кавелина над

¹ Например: «Взгляд на юридический быт древней России» (1847), «Мысли и заметки о русской истории» (1866), а также «Краткий взгляд на русскую историю» (опубликованный в 1887 г. конспект лекций, прочитанных в Бонне в 1863–1864 гг.) и др.

² Первый послереволюционный сборник его трудов был опубликован только в 1989 г., см.: [16].

³ В этих работах, в частности, рассмотрены философские взгляды Кавелина как системы [10; 29], гуманистические мотивы его философии [26], философский анализ русской истории [24; 33], философский анализ культуры [9], история русского либерализма [8], история Российского государства (см., например: [1; 31]). А.Н. Медушевский проанализировал социологическую концепцию юридической школы [25]. Опубликованы диссертации и статьи, рассматривающие наследие Кавелина с точки зрения специальных областей знания и посвященные анализу психологических (см., например: [35]), этических (см., например: [4; 11; 23; 34]), эстетических [23] воззрений мыслителя. Отметим крупное исследование историка Р.А. Арсланова (2000) [2], в котором впервые проведен комплексный анализ личности и государственнического мировоззрения Кавелина с точки зрения его вклада в теорию русского либерализма, а также в разработку либеральных принципов, связанных с разрешением проблем пореформенной России; приведена эволюция его либеральных идей.

проблематикой социального познания и его интеллектуальной среды. Лишь в немногих статьях анализируются кавелинские интерпретации «умственного строя» России и интеллектуальной среды социальной мысли (см., например: [7; 29]).

Прежде чем перейти к анализу произведений Кавелина, уделим внимание его личности, черты которой, факты из жизни, на наш взгляд, во многом объясняют его отношение к науке и социальной действительности, своеобразие стиля мышления. Далее остановимся на анализе вопросов, которые мыслитель решает в наиболее значимых работах второй половины века: какова интеллектуальная и духовно-нравственная атмосфера, или «наш умственный строй», в котором развивалась российская социальная мысль? каковы состояние мыслящей и действующей личности, соотношение личности и общества? в чем заключаются насущные задачи и способы научного осмысления общественной жизни? в каких направлениях и какими методами следует развивать социальную мысль? Кавелин был частью интеллектуальной среды, во многом предопределявшей основы академического обществознания, а его поздние идеи представляют собой одну из попыток осмыслить ростки социальной науки.

В статье дано историческое описание интеллектуальных влияний на творчество Кавелина, феноменологическое описание его личного опыта, сделан текстологический анализ поздних работ, затронуты некоторые источниковедческие вопросы, касающиеся творчества мыслителя и его интеллектуального окружения. В качестве материала использованы социально-научные труды 1870–1880-х гг., письма и воспоминания Кавелина и его современников, а также более поздние работы российских обществоведов.

Личность К.Д. Кавелина: идейные влияния и мировоззрение

Выбору Кавелиным проблематики духовной и научной жизни России, антропоцентризму его подхода, как представляется, немало способствовали мировоззрение, личные качества и общественные интересы мыслителя. В кратком феноменологическом описании попытаемся рассмотреть личный опыт и смыслы, которые он вкладывал в свою научно-публицистическую деятельность.

Многоплановые идеи Кавелина как публициста, ученого, профессора и литератора, общественного деятеля подкреплялись началами личной высокодуховности и нравственности, о чем свидетельствовали современники (см., например: [20; 21])⁴. В свое время он был хорошо известен в интеллектуальных кругах России. По поводу ухода из жизни Кавелина в 1885 г. было опубликовано 67 статей, некрологов и кратких заметок в 35 периодических изданиях. Посмертно, в 1897–1900 гг., вышло второе, расширенное, издание полного четырехтомного собрания сочинений Кавелина⁵, включившее ранее не опубликованные рукописи.

⁴ Лучшим биографом К.Д. Кавелина был и, пожалуй, остается его племянник Д.А. Корсаков (1843–1919) — историк, профессор Казанского университета. В статье о К.Д. Кавелине «Русского биографического словаря» Корсаков приводит подробный список биографических работ о нем [20].

⁵ Первое, прижизненное, издание четырехтомника вышло в 1859 г. при участии К.Д. Кавелина.

Кавелин был активным участником общественных и интеллектуальных движений своего времени. Менее года поучившись на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета, он в 1839 г. закончил там же юридический факультет. Стоит отметить роль профессоров-правоведов П.Г. Редкина и Н.И. Крылова, обучавших Кавелина логическому мышлению и научным приемам анализа исторических и правовых явлений. Получив образование, Кавелин занимался вопросами права, изучал историю России, вел активную общественную деятельность, познавая российское общество не только научно, но и практически, о чем свидетельствует его работа по подготовке крестьянской реформы 1861 г. Идеальный фон в 1830–1880-х гг. создавали представители двух главных направлений — славянофилы и западники, спорившие об историческом развитии России и Запада. В спектр их обсуждений попадали и некоторые социально-научные проблемы. Кавелин в пору студенчества примыкал к славянофилам, чуть позже — к западникам, а в последний период жизни старался идейно примирить оба направления, выделяя в каждом позитивное и полезное для дальнейшего развития российского общества и науки⁶. Значительное внимание он уделил анализу соотношения развития России и Европы в духовной и в научной сферах. Идеи Кавелина встречали не только поддержку, но и критику со стороны противников из разных лагерей, и это зависело от того, какой из них в данный период оказывался предпочтительным для самого мыслителя, а также от его попыток, особенно явных в 1870-е гг., встать между направлениями с целью их примирения.

Еще в 1840-е гг. большое влияние на Кавелина оказало участие в московском салоне А.П. Елагиной — матери славянофилов П.В. и И.В. Киреевских; несколько позже он познакомился с другими главными представителями этого направления А.С. Хомяковым, К.С. Аксаковым и Ю.Ф. Самариным. В это же время Кавелин был вхож в литературно-философский кружок В.Н. Станкевича в Московском университете, где встречался с западниками: П.Я. Чаадаевым, историком Т.Н. Грановским, с которым сложились дружеские отношения. Переехав в Петербург, Кавелин сблизился с литераторами, входившими в кружок либерального западника В.Г. Белинского (своего бывшего домашнего учителя), — И.И. Панаевым, Н.А. Некрасовым, И.С. Тургеневым и др. Находясь в Москве и читая лекции в Московском университете с 1844 по 1848 г., сблизился с А.И. Герценом. Несмотря на активные связи с западниками, Кавелин не стал их абсолютным последователем, но испытывал с их стороны заметное влияние. В середине 1850-х сблизился с М.Н. Катковым — редактором «Русского вестника», одного из консервативно ориентированных журналов того времени, который оказывал огромное влияние на развитие общественно-политической мысли и литературную жизнь России. Работая в Санкт-Петербургском Императорском университете, общался с литературными критиками и публицистами, представителями революционной демократии Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым, чьи социально-политические идеи во многом были противоположны кавелинским, хотя в общественной деятельности Кавелин был с ними во многом солидарен, в частности по вопросу отмены крепостного права.

⁶ Конструктивно-критическую оценку Кавелиным славянофильства в сравнении с западничеством подробно анализирует Е.Е. Михайлова: [27].

В историографии социальной мысли его определяют как «умеренного западника» (или «западника»), «умеренного либерала» и «полупозитивиста» (В.В. Зеньковский [12, с. 334–336]). Для научного стиля мыслителя было характерно соединение различных направлений, особенно в поздний период. Слова, адресованные им своему другу историку Т.Н. Грановскому, можно отнести и к нему самому: Кавелин умел «понимать и ценить долю истины, заключающуюся в каждом направлении, в каждой мысли, и потому он оставался связующею нитью между противоположными взглядами...» [16, с. 257]. Однако еще В.Г. Белинский в своем кружке упрекал его за такую балансировку между разными идейными направлениями, называя ее «прекраснодушием».

О специфике мировоззрения мыслителя хорошо знавший его юрист и литератор А.Ф. Кони писал: «Кавелина называли чуждые ему люди узким западником. Но близкие, в дружеской беседе, иногда в шутку говорили ему, что он отъявленный славянофил. А он не был ни тем, ни другим. Он был самым собою» [19, с. xiv]. Кавелин в письме Д.А. Корсакову в конце 1860-х гг. отмечал: «Идеалисты и материалисты, обскуранты и нигилисты, воззрения аристократов, бюрократов, демократов и “буржуев”, радикалов и консерваторов, — всё это старый хлам, и умеренные доктрины так же противны, как остальные. Источники современных взглядов иссякли, оттого они так бесплодны и пусты. *Нужно копать глубже, и опять, как всегда, в человеческой душе, где ключ всем воззрениям*» (курсив наш. — Л. К.) [22, с. 460]. Можно сказать, что в этих словах Кавелин выразил свое социально-научное кредо.

Славянофилы главным условием социального благоденствия считали развитие общины, западники в этом вопросе делали ставку на совершенствование личности. Кавелин предложил собственную теорию развития личности, как бы соединявшую обе позиции. Иными словами, в этой теории автор пытался объединить микро- и макроуровни исследования, а в их разъединенности видел источник всех главных общественных проблем России. Для изучения личности он выделял два аспекта: личный — интересы человека, его материальная собственность и т. д. — и общественный, то есть объективные условия и возможности общественного бытия. «Большое место всех мировоззрений, научных и ненаучных, — писал Кавелин, — есть глубокий мрак, которым до сих пор окружена связь между единичным, индивидуальным, личным существованием и его объективными условиями. Раскрытие этой связи есть высшая из всех задач науки, последнее слово всех научных систем, главная цель стремлений самых светлых умов и благороднейших сердец» [15, с. 928]. В философском плане Кавелин был социологическим номиналистом, так как реальность общества определял только как совокупность личностей.

Возможно, главные черты самостийности Кавелина как социального мыслителя — его взгляд на человека и общество, опосредованный этическими критериями и гражданским чувством. Это выражалось в оценках людей, их деяний, общественных явлений, истории с духовно-нравственной точки зрения. Личность была ядром всех его размышлений, «человек, и только человек», как подмечал В.В. Зеньковский [12, с. 336].

Часто оценки Кавелина были весьма резкими — даже в печати. Но это не помешало А.Ф. Кони характеризовать его как «человека “сороковых годов” по образу мыслей и идеалам... потому и одним из лучших людей всех последующих

годов», как отдавшего « всю жизнь свою на службу развитию русского общества... до постоянного забвения собственных интересов» [19, с. xii]. Кстати, именно за связь Кавелина с идеями 1840-х гг. и неверную трактовку отношения западников к крестьянской общине в своих «Записках профана» его резко критиковал Н.К. Михайловский, тяготевший к западничеству.

Характеризуя личные качества Кавелина безотносительно к его научным взглядам, Кони использовал эпитеты: «прямой и честный человек, уважающий свою правоту», «нравственный судья»; писал о таких его свойствах, как «благородная нетерпимость», «неподкупность суждений». Все эти качества Кони называл «работой высоких душевных требований и тонкого, проницательного, аналитического ума». Не вызывает сомнений, что в общественной жизни Кавелин был гуманным человеком. «О его личной доброте и разумной благотворительности едва ли нужно распространяться, — писал Кони. — Школы и крестьянский банк на его “землице” в Тульской губернии — и венки на его гроб от приходского попечительства с надписью “другу бедных и страждущих” говорят сами за себя» [19, с. xii]. На венке от слушателей Военно-юридической академии, где преподавал Кавелин, была надпись: «Учителю права и правды».

Вместе с тем современники подчеркивали, что Кавелин, жестко следуя своим принципам и нравственным идеалам, мог быть сух и безжалостен к тем, кого не уважал. Кони вспоминает такой эпизод: «Что вы скажете о смерти N. N.? — пишет он [Кавелин. — Л. К.] одному из своих друзей, — кажется, Россия ничего не потеряла с его кончиной. Слышал я его в заседании... *Незнаменито*, как говаривал покойный Никита Иванович Крылов⁷. От такой знаменитости я ожидал гораздо больше. Да и карьерист был изрядный!» [19, с. xi–xii].

Можно заключить, что «умственное» развитие России входило в круг *личных* интересов и размышлений Кавелина как одна из насущных задач духовно-нравственного и интеллектуального толка. Возможно, это давало ему моральное право критически судить о развитии российских человека и общества, а иногда и осуждать их, о чем речь пойдет далее. Как представляется, истоки критической линии Кавелина связаны с идейным влиянием критики В.Г. Белинского.

Кавелин не раз анализировал состояние научной печати своего времени и взгляды современников на развитие социальной мысли в России — славянофилов 1840-х гг., а также В.Г. Белинского, Т.Н. Грановского. Для «Русского биографического словаря» Д.А. Корсаков скрупулезно составил список работ Кавелина за 1859–1885 гг. [20, с. 362]. Характеризуя в целом идейную обстановку и намекая на общие контуры своей будущей умеренной и центристской программы, Кавелин писал в 1868 г. Корсакову: «Оргии прогресса и оргии реакции нейтрализовались; я считаю такое время чрезвычайно благоприятным для того, чтобы мысль зрела и новое успело осесться и пустить корни... Даже лучшие журналы не имеют программы. Это — знамение времени! Все программы надоели и износились в тряпки. И давно пора!» [22, с. 461].

⁷ Ректор юридического факультета Московского университета во время учебы там Кавелина. — Л. К.

От задач нравственно-психологического развития личности к этико-философским вопросам и «решению общечеловеческих задач»

В 1870-е — начале 1880-х гг., как отмечалось, К.Д. Кавелин попытался предложить свою «программу» социальных исследований. В видении настоящего и будущего социальных наук, сохраняя преемственность ключевых представлений, он постепенно перешел от идей психологических к идеям этико-философским. Лейтмотивом всегда оставалась необходимость исследования индивидуального бытия человека как центрального элемента общества. Науками, которые могут содействовать развитию в российской личности качеств общественного деятеля, Кавелин считал психологию и этику. Эволюция его идей прослеживается в серии поздних работ: «Задачи психологии. Соображения о методах и программе психологических исследований» (1872), «Наш умственный строй» (1875), «Идеалы и принципы» (1876), «Злобы дня» (1883, посмертная публикация в «Русской мысли» — 1888), «Задачи этики: Учение о нравственности при современных условиях знания» (дописана в 1884 г., прижизненно вышла отдельным изданием в 1885 г.). Далее рассмотрим ключевые идеи кавелинской «программы».

О необходимости умоизобразительного познания внутренней жизни человека

Как отмечал Д.А. Корсаков, работа «Задачи психологии» стала главной в творчестве Кавелина. Ее он писал и переписывал в течение 10 лет, первоначально опубликовав в «Вестнике Европы», но в том же 1872 г. — отдельным сборником [14]. «Задачи психологии» автор назвал «связно изложенными психологическими замечаниями, мыслями и наблюдениями». Но, по сути, речь идет о выработке методов программного изучения внутреннего бытия личности на основе историко-софского осмысления ее значения как движущей силы общества и представителя человеческого рода с учетом происходящих в ней (личности) с течением времени психических/нравственных изменений: «Движущий элемент общества суть люди, из которых состоят народы и весь человеческий род... Первый стимул всякого движения и развития лежит в отдельных лицах, из которых слагаются человеческие общества» [14, с. 210]. С индивидуальным психическим, нравственным развитием Кавелин связывает прогресс человечества во всех сферах, а упадок — с отсутствием развитой личности. Прослеживает это, рассматривая примеры разных этапов человеческой истории, исследует современное ему состояние философского и научного знания. В общем плане Кавелин критикует распространенное «историческое заблуждение», что всемирная история, большие задачи народов и простые желания людей никак между собой не связаны. Его автор объясняет тем, что «посредствующие звенья», их соединяющие, обычно остаются без внимания, и тем самым теряется «преемство звеньев» [14, с. 210–212]. Другие заблуждения, препятствующие адекватному познанию, связываются с исторической изменчивостью действительности («фактов материальных и психических»), а также самого человека.

«Задачи психологии» всецело проникнуты мотивом духовно-нравственного возрождения российской личности. Еще в 1847 г. в работе «Взгляд на юридический быт древней России» Кавелин поставил вопрос о «юридическом и политическом

ничтожестве» личности и позже многократно возвращался к этой проблематике. В «Задачах психологии» коренную причину такого состояния он связывает с «ошибочным пониманием психической жизни и ее значения посреди окружающего материального мира» [14, с. VII], то есть с игнорированием познания внутреннего — психического — бытия человека. Автор считает, что интерес научной мысли с индивида перенесен на общество, человек же «смотрит на себя только как на зависимую часть целого», «для его внутренней жизни и деятельности нет самостоятельного критерия, потому что эта жизнь и эта деятельность, независимо от общественной среды, ни во что не ценятся» [14, с. 2]. «Люди обратились бы в злейших из хищных зверей, — пишет он, — если бы современные взгляды, как думают многие, действительно выражали собою последнее слово науки, а не были, как мы убеждены, ошибочным, неумелым ее применением к психической жизни» [14, с. 386]. Корень заблуждений современных ему социальных мыслителей Кавелин видит в смешении законов общих, отвлеченных, то есть законов общества, с законами бытия личности, а также в попытках строить жизнь человека по законам бытия отвлеченного.

Однако Кавелин не отвергает необходимость изучения человека как «члена государства, общества или какого-либо частного союза: ученой или промышленной корпорации, сословия и т. п.», не отвергает и влияние на человека «внешних обстоятельств», то есть социальной среды, общества в целом [14, с. 8]. Социальное у Кавелина служит только фоном и в какой-то мере источником «внутренних мотивов» человека. Под ними понимаются принципы и ценности личности, которые определяют ее общественный и гражданский выбор, общественную деятельность. Если личность обладает соответствующими качествами, то она общественно-политически и юридически состоятельная и самостоятельная, или, как пишет мыслитель, самодеятельная. Бытие человека он не растворяет в бытии общества.

Кавелин считает, что современные ему воззрения — философские и научные — расходятся с «требованиями нравственной личности» и даже противоречат им [14, с. 6]. Так, философия в начале 1870-х гг. пребывает в опале, а науки отказались от умозрительных знаний, однако отвергать можно только те из них, которые не соответствуют фактам. Причины, по мнению Кавелина, кроются «в целом строе современной мысли», и предубеждения касаются неспособности изучать психику человека, для чего требуются умозрительные методы: «Отвергая умозрение, мы, большей частью бессознательно, отрицаем... целый ряд психических фактов, на которых держится индивидуальная жизнь. <...> В чем состоит эта жизнь, какие законы этой деятельности — вот чем современная наука мало интересуется» [14, с. 4–5]. Ведущиеся психологические исследования не отвечают на эти вопросы, так как заняты разъяснением «физиологических условий психической жизни» — деятельностью мозга и нервной системы, не пытаясь изучить соответствие между физиологическими и «психическими фактами».

Почва для нравственной личности, по Кавелину, — свобода воли, представления о добре и зле, убеждения, вера, надежда, любовь, умение ставить цели и достигать их, а также осуществлять свои духовно-нравственные идеалы в общественной жизни. Однако существующие «ходячие философские теории», рассматривая деятельность человека с точки зрения целесообразности, пренебрегают свободой воли, в каждом «психическом явлении видят неизбежное произведение обстоятельств». «Реальные», или «положительные», науки мыслитель критикует

за интерес только к материальным фактам и законам. Таким образом, «личность и условия ее нравственного характера и деятельности выпадают из господствующих современных воззрений» [14, с. 7].

Вместе с тем Кавелин считает, что исследование «психических фактов» вполне доступно для научного изучения и что точные науки не имеют преимуществ «перед науками о психической стороне человека». Доказательство он видит в следующем: «Как те, так и другие основывают свои выводы на критически обработанных впечатлениях; разница только в том, что первые имеют дело с впечатлениями, непосредственно получаемыми от физического мира, последние — с впечатлениями, получаемыми от внешних следов психической жизни и деятельности»⁸. Идя по пути этих рассуждений еще дальше, он попадает в область философии истории и социологии: утверждает, что эти следы имеют «объективную определенность» и что благодаря ей «стала возможна даже история верований, языка, политических учений и учреждений, искусств, наук, философии, культуры» [14, с. 24].

Несостоятельность философии и науки, по Кавелину, грозит превращением людей в «безличную массу», и это уже происходит, отражаясь на практической жизни обществ. Мыслитель считал, что с этим согласны все его современники — и в России, и в Европе, различны только оценки данного факта и его значения. В прогрессии растут народонаселение, обмен услугами и мыслями, но «люди все более становятся похожи на троглодитов — так равнодушны, холодны, недоверчивы... Каждый глубоко ушел в самого себя, старается отгородить себя от других каменной стеной и думает только о себе...» [14, с. 208]. Человек в таком состоянии не может созидать. Из-за пренебрежения к его внутреннему миру становится «все менее и менее способным настойчиво преследовать задуманные планы и цели... бежит труда, сразу хочет получить то, что приобретается лишь долгим напряженным усилием...» [14, с. 208].

Итак, удручающее положение науки о человеке Кавелин видит в сосредоточенности на материальном, в отказе от умозрительного познания, которое должно быть направлено на психическую деятельность⁹. Главной задачей психо-

⁸ Эти рассуждения вызвали двоякую критику и длительную полемику. Одним из главных оппонентов «Задач психологии» был физиолог И.М. Сеченов, который критиковал идеи Кавелина со стороны биологии. С ним Кавелин вел полемику в «Вестнике Европы» с 1872 по 1874 г., не считая, однако, его возражения серьезными. Весьма значимым оппонентом стал славянофил Ю.Ф. Самарин, который упрекал Кавелина за игнорирование познания человеком истин через Божественное откровение. Они вели личную переписку по поводу «Задач психологии» с 1872 по 1875 г., опубликованную Самариным в 1887 г. в его «Сочинениях» [30] (см. также книгу Б.Э. Нольде: [28, глава 5]). Замечания Самарина Кавелин оценивал высоко. На его письма отвечал не только письмами, но и заметками в «Вестнике Европы», изменяя свою первоначальную позицию с учетом замечаний, на что указывал сам оппонент. Подробный анализ полемики Кавелина с Сеченовым и Самариным см. в работе их современника, психолога и философа М.М. Троицкого: [32]. Отклики на «Задачи психологии», по свидетельству Д.А. Корсакова в примечаниях к этой работе, в различных периодических изданиях также опубликовали сторонники позитивной философии Неизвестный и Литвинов (инициалы не указаны), публицист С.С. Шашков, профессор А.Ф. Гусев (см.: [18, с. 1242]).

⁹ Важно отметить, что уже в 1875 г. в критической публикации «Априорная философия или положительная наука», посвященной диссертации Вл. Соловьева, Кавелин, хотя и с оговоркой, по преимуществу занимает позицию положительной науки: в сферу метафизических фактов вырваться невозможно, все наше знание имеет положительный характер. Постановку О. Контом задач знания Кавелин считает правильной, кроме одной оговорки: французский мыслитель перенес материальную предпосылку «в выработку целого здания новой науки, даже тех ее частей, к которым такая предпосылка неприменима» (цит. по: [32, с. 48–54]), очевидно, имея в виду те же «психические факты».

логии, а следовательно, и познания общества, должно стать изучение внутренней, психической, идеальной жизни человека. Общество производно от личности, как нереальный, «отвлеченный» объект, оно вторично по отношению к индивиду. В.В. Зеньковский отметил очевидную наивность такой позиции: «Конечно, для Кавелина очень типичен его антропоцентризм — его интересует человек, и только человек. Он наивен в своей несколько патетической вере в психологию, и, конечно, он не избег опасности “психологизма”» [12, с. 336].

О «нашем умственном строе» как духовной среде социальной мысли и деятельности, а также об условиях обретения идеалов

Кавелин исследует не только изъяны самого научного познания, но более широкий духовный контекст — формы, способы интеллектуальной жизни общества в целом, то есть обращается к анализу особенностей «нашего умственного строя».

К центральному объекту своих социальных размышлений — личности — К.Д. Кавелин подходит с точек зрения историко-культурной, психологической, этической. На этой же почве делает и более широкие обобщения. Считает, что в науке, религии, в особенностях народного быта и в других проявлениях культуры общества выражаются свойства национальной психики. Он объединяет их понятием «наш умственный строй». Можно согласиться с мнением П.С. Гуревича, что «по своей сути названная категория [“умственный строй”. — Л. К.] близка к слову, которое появится в исторической науке уже в следующем веке, — менталитет» [7, с. 139].

В работе «Наш умственный строй» [13] К.Д. Кавелин обобщил свои психологические изыскания, проецируя их на состояние личности и общества в России, экстраполируя выводы на уровень развития научного знания. Работа была впервые опубликована в 1875 г. в газете «Неделя» и завершала цикл размышлений автора о психологии, являясь переходом к его заключительному труду «Задачи этики». В «Нашем умственном строе» автор с историко-культурных и философских позиций попытался определить российскую духовную среду, в которой в конце XIX в., в частности, развивались интеллектуальные направления науки и философии. Статья находится в непосредственной идейной связи с критическими мыслями В.Г. Белинского и с беседами автора о нем и об «умственных течениях» 1840-х и более поздних лет с историком, этнографом, литературоведом и издателем А.Н. Пыпиным.

Кавелин критикует недостатки «нашего умственного строя» (по сравнению с европейским), накладывающие отпечаток на все проявления общественной жизни — как практической, так и интеллектуальной. Он настаивает на том, что умственный строй России конца XIX в. специфичен и не похож ни на какой современный ему европейский. Кавелин нещадно критикует российскую личность как общественный субъект, отказывая ей в способности осознавать себя и свои задачи, в умении их воплотить. Личность, имеющая такие качества, составляет у нас «редкое изъятие из общего уровня крайней распушенности», считает он [13, с. 314]. Несмотря на «развитые аппетиты», в нас нет желания бороться с препятствиями и отстаивать свои мысли. Отсюда нет обдуманной системы деятельности,

нет «преемственности от поколения к поколению, и потому нет капитализации труда, знания и культурных привычек. Сменились люди, и дело пропадает... до тех пор, пока случай не натолкнет опять на то же дело другого человека, который его... опять пустит в ход, чтоб после него оно снова было брошено и забыто» [13, с. 314]. Но раз нет устойчивости и самостоятельности в людях, то ее нет и не может быть и в общественной жизни, делает вывод Кавелин. «И вот мы прячемся за ход вещей, за логику событий, которые должны работать за нас... Стихийные силы, не управляемые человеком, приносят нам вместо того, о чем мы мечтаем, самые причудливые неожиданности» [13, с. 315].

Аналогичную оценку Кавелин дает российскому умению не только действовать, но и мыслить. Он утверждает, что «мы слишком мало думаем... не принимаем почти никакого участия в наших делах», а потому мышление не является существенным элементом нашего мирозерцания и практической деятельности [13, с. 315]. Кавелин отмечает, что до недавнего времени мысль была лишь прерогативой «достаточных классов, избранных людей, которые одиноко стояли» в среде, жившей одними «преданиями и рутиной». С этим утверждением не поспорил бы никто из современников Кавелина, различия были лишь в размышлениях, на кого делать ставку для развития общества — на дворянство или на крестьянство, народ, поднимая уровень последних. Кавелин называет мысль «прихотью», которая не была связана с реальной жизнью и «носила у нас свободно над действительностью... ни в чем не встречая преград, как ветер на наших необозримых равнинах». Потому такая мысль легко «улетучивалась в фантазию и бред». Достижения науки своего времени мыслитель считает «призраками», которыми мы «оправдываем наше высокомерие и безучастное отношение к нашей печальной ежедневности» [13, с. 315].

В «Нашем умственном строе», как и в «Задачах психологии», несостоятельность социальных идей в России Кавелин связывает с особенностями философского мирозерцания и естествознания. Он приходит к выводу, что и материализм, и идеализм бессильны перед познанием личности и общества в силу своей односторонности: доктрины сводят духовный мир реального индивида либо к явлениям природы, либо к метафизическим сущностям. В итоге идеи мыслящего субъекта выливаются в «миражи ума» и «чистый фатализм» [16, с. 308–309]. Истина же для Кавелина — в эмпирической двойственности подлинной реальности, к которой он относит личность и природу: «Психическая и материальная жизнь — на одной общей почве», — пишет он [18, с. 467]. И потому «одна лишь психология может разрешить задачу, на которую не дает ответа ни философия, ни естествознание» [18, с. 637].

Характерно, что причины умственного строя науки в России Кавелин выносит за пределы ее духовной жизни, так как отрицание личности не могло развиваться на отечественной почве. Виной тому считает наше беспрекословное усвоение европейской теории, которая развивалась на иной почве и в непосредственной связи с другой реальностью. Этой теорией, по мнению Кавелина, давно решен вопрос о самостоятельности личности — выяснены «начала нравственной индивидуальности, личности и автономии мышления» [16, с. 308]. А поэтому внимание европейской теории переключено на общественные процессы, причем характерные для Европы; российские же науки пытаются некритично перенести эту теорию на нашу почву.

В «Идеалах и принципах» Кавелин специально сосредоточивает внимание на природе идеалов и проблеме их обретения. Он не считает, что идеалов в российском обществе нет. Напротив, их слишком много, так как люди обращены вовне, к изменчивой общественной жизни, вместо того чтобы прислушиваться к своему «душевному миру». Именно от него, по Кавелину, производны идеалы: наш «душевный мир», пишет он, «отражается в нашем чувстве как идеал» [18, с. 891]. Психическая деятельность, требование ее развития — это предпосылка всякого рода общественного успеха — «умственного, научного, нравственного». Автор еще раз призывает обратить внимание науки на необходимость изучать внутренний мир человека. Он резюмирует, что пока наука не утвердится в такой необходимости, нельзя говорить о возможности отыскать подлинные идеалы. Если связывать происхождение идеалов только с внешним миром, то это путь тщетный: ориентируясь на постоянные изменения в мире, мы будем бесконечно менять идеалы, пока в них не изверимся вовсе. В непризнании роли психического фактора как в нашей личной, так и в общественной жизни, считает Кавелин, «коренится источник всех болезней века» [18, с. 896], которые он описал на примере «нашего умственного строя».

*О попытке преодолеть упадок интеллектуальной жизни,
объединив идейные направления для «разрешения общечеловеческих задач»*

Кавелин пытается дать рекомендации современной ему научной мысли, чтобы преодолеть ее хаотичность, наметить познанию определенную линию. В 1883 г. он пишет статью «Злобы дня», которая публикуется в «Русской мысли» только в 1888 г., уже после его смерти. Она начинается с сетования автора на то, что мыслящее общество, периодическая печать в России буквально за несколько последних лет потеряли всякий интерес к интеллектуальной жизни. Все эти явления и порождают «злобу дня» — необходимость безотлагательных мер, освобождающих от «умственной спячки». Научный прогресс Кавелин видит в компромиссном объединении разных направлений российской социальной мысли. В 1883 г. он писал Корсакову о замысле названной работы, характеризуя ее как «большую статью о современных направлениях русского духа и русской жизни с совершенно объективной и беспристрастной оценкой» разных идейных направлений: «Мне хочется объяснить кажущийся нам умственный и нравственный упадок, уныние, апатию; причины, почему все наши направления в науке, печати и общественной деятельности потеряли прежний кредит...» [16, с. 637–638]. Автор ставил весьма амбициозные цели «подробно разобрать разные течения русской мысли, поочередно возбуждавшие общее сочувствие, показать их сильные и слабые стороны и объяснить, почему они сошли со сцены», объединить все идейные направления, чтобы они «слились бы в дружном преследовании, с различных точек зрения, общечеловеческих целей и в разрешении общечеловеческих задач на русской почве» [18, с. 1245].

Мыслитель отмечает, что по любому вопросу в печати возникает «глубокое разномыслие», обусловленное различием воззрений на одни и те же политические и общественные процессы, индивидуальную жизнь человека, исследователи не могут договориться, чтобы совместными усилиями развивать знание [16, с. 495].

Задачи статьи Кавелин определяет так: «Перевести в сознание те неопределенные и неясные причины, которые охладили русское общество к недавно еще руководившим у нас взглядам, и попытаться заглянуть несколько вперед, в возможные и вероятные у нас направления в ближайшем будущем...» [16, с. 494]. Вряд ли можно считать, что обе задачи — критику направлений и прогнозирование будущего развития — автору удалось решить убедительно. Зато хорошо прослеживается тенденция преодолеть разногласия путем объединения направлений, опираясь при этом на собственные установки и представления о потребностях познания. Все идейные противоречия и отрицания Кавелин рассматривает с позитивной точки зрения, то есть как возможность неизбежного совершенствования знания. Эволюцию направлений в плане должностования он расценивает не как их борьбу, а как их примирение и плавное чередование.

Так, критикуя позитивизм О. Конта за отказ от «всяких отвлеченных спекуляций ума», за «чистую положительную науку, объективное знание» [16, с. 493], обращаясь к аргументам Дж. Г. Льюиса, делающего «уступки чисто философскому логическому умозрению» в работе «Вопросы жизни и духа», а также заявляя о «некоторых научных попытках» подобного рода, Кавелин приходит к выводу, что в близком или далеком будущем с помощью индуктивного метода станет возможен «точный научный анализ психических фактов». «Таким образом, резкое отрицание [ошибочных представлений и понятий. — Л. К.]... только расчистило почву научных исследований и открыло для них новые перспективы, — заключает он. — Вопросы и идеи... не исчезли, а только получили новую постановку, соответствующую новым... потребностям знания» [16, с. 494]¹⁰.

Исследуя *социальную мысль прошлого*, Кавелин сопоставляет идейные движения славянофилов и западников. Он утверждает, что похожие взгляды можно проследить у нас «чуть ли не с XV века» [16, с. 496]. Но все они были приведены в систему лишь в 1840-е гг. представителями названных направлений. С них, по мнению Кавелина, и начинается «сознательное, осмысленное движение русской мысли» [16, с. 497]. Источники появления двух направлений — неудовлетворенность общественной жизнью и поиски нового. Славянофилы обратили внимание на несоответствие «привитых нам европейских форм» народным потребностям и народной жизни. При этом европейство отрицательно сказалось только на высших, образованных слоях общества, в то время как «простой народ свято сохранил старинные предания и обычаи», уклад, нарушенный Петром I в XVIII в. [16, с. 497]. Славянофилы, по мнению Кавелина, не решили стоящих перед обществом задач из-за своей методологической посылки: они «обратились к старине, чтоб объяснить неблагоприятные для развития современные им условия русской жизни», и на прошлом хотели построить «светлые идеалы русского народного духа». Внимание славянофилов к религии также не принесло желаемых плодов по той же причине — из-за «исторического истолкования явлений» [16, с. 497–498]. Западники,

¹⁰ Следует обратить внимание, что при тенденциозности подхода Кавелина к механизмам изменения знания он придерживается ценной идеи: эволюция знания имеет преемственный характер, то есть последующий ее этап, даже если ему сопутствовал радикальный общественный перелом, не может полностью и окончательно отрицать предыдущий благодаря сохранению элементов социально-культурных традиций. Мыслитель постоянно пытается найти связь между этапами знания, что заслуживает исследовательского внимания, однако переходы от одного к другому расценивает не иначе как прогрессивные.

отталкиваясь от желания понять историю России, пришли к иным результатам. Со времен Петра I наша страна в поисках лучшего общественного устройства шла по стопам Европы. Но развитию европеизма мешали «запоздалые остатки допетровского византийства и татарщины» [16, с. 500]. Кавелин же считает, что для России оказалось невозможным в полной мере пойти по западному пути, поскольку она могла принять чужие общественные формы лишь в той мере, в какой они отвечали ее состоянию и потребностям.

Кавелин по своему обыкновению стремится примирить славянофилов и западников в их «идеальных целях», отмечая: оба направления впервые попытались «осмыслить русскую жизнь и осветили ее с двух сторон... Оба учения поставили во главу угла идеальные стремления и цели, совершенно одинаковые по своему существу и содержанию, носившие общечеловеческий, всемирный характер. Таким образом, — делает вывод мыслитель, — в обоих учениях русский народный гений впервые поставил себе идеальные цели, поднялся до одухотворения своих национальных задач и стремлений» [16, с. 501–502]. Но эти идеалы и цели еще не имели твердой опоры в реальной жизни: «Эпигоны славянофильства и западничества остались при словах и тезисах, лишенных живого значения, твердя — одни о народности, другие о европеизме, цивилизации и прогрессе — и не умея определить, в чем же они состоят» [16, с. 502]. Выполнив свою историческую миссию, славянофильство и западничество ушли со сцены, чтобы освободить место другим направлениям.

По мнению Кавелина, ни славянофилы, ни западники, ни затем народники не дали «путеводной нити для дальнейшего развития», что вызвало к жизни охранительное направление — консерватизм, который «отрицает все новое и отстаивает все существующее», но не во имя какого-то идеала, а «потому только, что нет в виду лучшего или не выяснилось, как к нему перейти» [16, с. 505]. Однако и в консерватизме усматриваются ростки его противоположности: отрицая новое, он заставляет это новое «вызревать до степени неотразимой и неотложной потребности» [16, с. 505].

По аналогичной схеме Кавелин интерпретирует все прошлое развитие социальной мысли в России. Различные направления сменяли друг друга как бы в рамках естественной эволюции знания по выведенной им формуле: «Раз что мы убедились, что то или другое непригодно, мы должны сами себе ответить: что же пригодно? Отрицание само собою ведет к положению» [16, с. 498]. При этом мыслитель постоянно отмечает полезность каждого направления, его вклад в последующее развитие, а также наследование новыми направлениями как передовых идей, так и ошибок предыдущих. Кавелин анализирует роль в обществе религии и науки, роль права в его отношении к обществу как к целому и к индивиду и т. д. Социальное знание как таковое, считает он, неуклонно обогащается и развивается по линии прогресса.

Науку настоящего, то есть начала 1880-х гг., Кавелин характеризует как знание бессистемное, не основанное на каком-либо мирозерцании. Наука «прежде и больше всего критика, а потому не может быть ни деистической, ни атеистической, ни спиритуалистической, ни материалистической», — отмечает он [16, с. 523]. Наука занимается общими вопросами, касающимися предмета исследования — его установлением, попытками открыть законы его существования, отношением к другим предметам, но не задумывается над *сущностью предмета*.

Но благодаря индуктивному методу наука расширяет предметный круг исследований: она, пишет Кавелин, «...в наше время стала захватывать и область явлений психического и социального порядка» [16, с. 524]. Мыслитель констатирует, что попытки изучать психические и социальные факты естественно-научными методами не смогли привести к ожидаемым результатам. Но тем не менее такие попытки принесли огромную пользу: из фактов «другого порядка», то есть психических и социальных, они «выделили... великое множество явлений физического мира, которые ошибочно причисляли к области психологии и социологии, значительно очистив, таким образом, материал исследований от посторонних примесей...» [16, с. 524]. Что касается метода исследования психологических и социологических явлений и фактов, то, по мнению Кавелина, он должен быть точным, как и для исследования природы, и со временем наука его найдет даже применительно к идеальным, психологическим процессам. В такой постановке вопроса проявляется «полупозитивизм» Кавелина, отмеченный В.В. Зеньковским.

Анализируя возможности *будущей науки*, которая в первую очередь призвана отвечать потребностям общественной жизни, Кавелин переходит к своему главному предмету — духовному и нравственному развитию личности как залогом прогрессивного движения общества. Он считает, что основанием для изучения этого предмета должны стать «своя доктрина, своя догма и канон» [16, с. 527]. Философия Канта с ее категориями чистого разума оказалась беспочвенной, не разрешив вопросы «об отношении мысли и факта, идеи и действительности». Исследований экономического положения, государственного управления, научного знания, образования — всех их недостаточно для понимания духовного и нравственного развития личности. «Одна обстановка сама по себе его [человека. — Л. К.] не воспитывает, не укрепляет, не улучшает, а необходимо нечто другое — индивидуальная духовная и нравственная выработка» [16, с. 529].

Такая «выработка», по мнению Кавелина, невозможна без понимания влияний на человека со стороны общества. Но оно вводится в круг интересов мыслителя не само по себе, а как среда существования и развития индивида, которую необходимо учитывать при его изучении. Человека же следует воспринимать как «составную часть целого», поскольку он может жить и развиваться только во взаимодействии с другими людьми: «Если, таким образом, человек только в обществе себе подобных становится тем, что он есть, и делается способным к развитию и совершенствованию, — заключает Кавелин, — то на него и следует смотреть не как на самостоятельную единицу, а как на составную часть целого...» [16, с. 530–531]. Однако преимущественно это остается декларацией. Кавелин мыслил общество исключительно номиналистически: признание зависимости человека от общества (как и от природы) не означает, что важно изучать общество как самостоятельный объект. Автор делает другой вывод: общество «может служить прочной основой для научного объяснения тех вечных нравственных истин, которые хранит предание и которые должны лежать во главе угла духовного и нравственного воспитания *индивидуального человека...*» (курсив наш. — Л. К.) [16, с. 531]. Так Кавелин представляет себе фундамент этики как науки, фокусируя свое учение на индивиде и его субъективных идеалах, считая, впрочем, вершиной нравственного чувства приобщение к христианскому нравственному закону и утверждая взаимосвязь личности и общества в социально-философском плане, что будет показано далее.

Подытоживая смысл работы Кавелина, Д.А. Корсаков писал в примечаниях: «Рассматривая в *Злобах дня* все умственные русские направления, начиная с 40-х годов, и подвергая их критике, Кавелин высказывает свою излюбленную мысль о том, что основная причина нашей теперешней умственной и нравственной апатии заключается в низком уровне духовного и нравственного развития личности. Остановливаясь затем на анализе этой причины, он приходит к заключению, что человеческое общество только в отвлеченном представлении является единицей. “В живой, реальной действительности оно есть собрание людей, связанных единством сожительства и общения; перенесенное в сферу чувств, оно является высшим нравственным законом — *любовью к ближнему*”, — говорит Кавелин и заканчивает статью вдохновенною проповедью этой *любви*, составляющей самое чистое выражение христианского учения» [18, с. 1246].

Этическое учение как соединение психологических и социально-философских идей для методологии социальной мысли

В последнее свое десятилетие важнейшими для социальной жизни и ее совершенствования К.Д. Кавелин считал изучение общечеловеческих этических ценностей. Он подошел к разработке этического учения, видя в нем возможность для разрешения многих противоречий социальной мысли, ее методологию, а также условие общественного возрождения. В «Задачах этики» нас более всего интересует связь этического учения Кавелина с социальной мыслью, в том числе социальной философией, в плане эпистемологии социального/социологического познания.

По свидетельству Д.А. Корсакова, труду «Задачи этики» Кавелин придавал «всею более значения, считая его венцом своих философских и исторических изысканий по вопросу о нравственной личности, о ее индивидуальном и социальном значении» [18, с. 1244]. Во введении Кавелин посвятил свою работу молодому поколению, адресуя свои изыскания науке будущего. Главная идея автора — разрешить противоречия социальной мысли и поднять этическое учение на уровень научных теорий и современных ему методов исследования, обосновать этику как науку о субъективных идеалах, возникающих в результате психической деятельности личности. В апреле 1884 г. автор писал Корсакову: «Пока нравственная личность не оживет снова, о возрождении и думать нечего, а она не оживет, пока коренным образом не изменится все наше теперешнее мирозерцание, представляющее хаотическое смешение преданий с выводами науки, производящее теперешнее анархическое состояние умов» [18, с. 1244]. В августе Кавелин восторженно сообщал: «Милый, дорогой Дмитрий Александрович! Если бы ты только мог себе вообразить, в каком блаженном душевном состоянии я нахожусь, принимаясь за это письмо! *Мечты и желания многих лет, наконец, исполнились: “Задачи этики” написаны и совсем готовы к печати...* С моей совести гора свалилась. *Теперь я все сделал, что мог сделать хорошего, и умри я завтра, нельзя было бы сказать, что я унес с собой недосказанную мысль. Мне думается, что этой работой будет положено начало коренному преобразованию всего теперешнего научного мирозерцания, без чего научная этика немыслима и невозможна*» [18, с. 1244–1245]. Кавелин не сомневался, что предложил радиальный выход запутавшейся в противоречиях социальной мысли.

Корсаков пишет, что ему были известны четыре статьи, написанные по поводу «Задач этики», в которых авторы отмечают серьезные недостатки работы, в целом отзываясь о ней «сочувственно», «хотя далеко не придают им [“Задачам этики”. — Л. К.] того значения, какое придавал сам автор» [18, с. 1245]. Психолог и философ М.М. Троицкий иначе оценивал эту работу и ее место в творчестве Кавелина, отмечая в 1885 г.: «...в *Задачах этики* он высказался окончательно и цельно, между тем как предыдущие его труды представляют только переходные и лишенные цельности фазы»; «отразил крупные черты в истории философии в России с сороковых годов до последнего времени». Троицкий также высказал убеждение, что «философские работы Кавелина не остались без влияния на развитие истории русской мысли в последние десятилетия, и благотворность этого влияния со временем будет оценена по достоинству» [32, с. 2–3]. Современный историк русской этики В.Н. Назаров отмечает, что Кавелин положил начало развитию в России этики как науки, которая до последней четверти XIX в. фактически не разрабатывалась [27, с. 102].

По Кавелину, если наблюдаемый рост интереса к этическим проблемам в Европе имеет теоретический характер, то у нас он движим практической потребностью в выработке идеалов личности и общества. В Европе жизнь людей регулируется строгим законом, поддержанным «администрацией, судами, сословием ученых юристов и вполне сложившимися нравами общества» [15, с. 4]. В России же все обстоит иначе: «Выработкой и совершенством общественных форм мы не можем похвалиться. Люди, не находя прочного устоя в условиях общественного быта, естественно ищут его в индивидуальных нравственных качествах» [15, с. 5], а потому нарастает потребность в нравственных идеалах и в разработке этического учения. Интерес к нему — это не временное явление общественной мысли, считает Кавелин, а переход ее «с прежнего пути на новый», под которым он понимает освоение внутренней, духовно-нравственной жизни человека [15, с. 5].

Свою этику Кавелин создает с опорой на психологию личности. Чтобы доказать справедливость такого подхода, пытается определить связь этики с правомедением и социальными науками, рассматривает ее соотношение с религией и искусством¹¹, находя общность и различия. Мыслитель весьма осторожен в определении методологии своих этических поисков, касающихся представлений об обществе. Так, он отмечает «глубокий мрак, которым до сих пор окружена связь между единичным, индивидуальным, личным существованием и его объективными условиями» [15, с. 27–28]; пишет о таинственности общественных процессов: «Единичный человек и природа — реальности, но, как они относятся между собой, — окружено непроницаемой тайной. Еще таинственнее те высшие силы, которые управляют судьбами единичного человека и всего мира» [18, с. 929].

Кавелин отграничивает этику от права и социальных наук, отводя роль ее субъекта индивиду. Рассуждая о сущности нравственности, он выделяет два вида поступков — внутренние и внешние. Если первые — наше личное дело, скрытое для всех, то вторые направлены на других людей, а потому «подпадают под объективное мерило, которое совершенно не зависит от нашего личного убеждения

¹¹ Рассмотрение взглядов К.Д. Кавелина на соотношение этики с религией и с искусством не входит в наши задачи. С его точки зрения, христианская религия формирует самые совершенные нравственные идеалы; искусство облагораживает человека идеалами эстетическими.

и совести», то есть находятся в объективной области права и социальных наук [18, с. 9]. Смешению этики, нравственности с правом и социальными науками, считает Кавелин, можно «приписать и теперешнюю путаницу понятий, благодаря которой нравственный элемент действий подавлен интересом к их объективной стороне» [15, с. 9]. Соответственно, право, социальные науки и этика различаются своими предметами: «Предмет этики — внутренние, душевные движения и деятельность людей, а предмет права и социальных учений — внешние отношения людей в составе организованного сожителства» [18, с. 998]. Если право и социальные науки регламентируются государством и обществом, то нравственность — субъективными мотивами человека.

По мнению Кавелина, нравственным или безнравственным (неважно, внешний он или внутренний) поступок является только по отношению к человеку, его совершившему. Нравственность субъективна. Этим и определяется близость этики к психологии, поскольку обе науки имеют отношение к исследованию поступка действующего лица, его «душевного строя» [15, с. 10]. Таким образом, в этическом учении Кавелин снова сосредоточивается на внутреннем мире личности, считая его источником и «вместилищем» нравственности, а социальную, объективную сторону поведения относит к области права и социальных наук.

Каковы же предмет, задачи этики? Она призвана изучать нормы и идеалы, регулирующие *сознательные* поступки индивида, основанные на его высшей психической деятельности. Из этих принципов вытекает кавелинское определение предмета этики: это «...одни отношения поступка к действующему лицу, к его душевному строю — ощущениям, убеждениям и помыслам. Она изучает условия, при которых действие зарождается в душе, и законы душевной деятельности, определяет ее нормы и указывает способы, с помощью которых душевная деятельность может стать нормальной» [15, с. 10]; «учение о нравственной деятельности и нравственных идеалах есть учение о нравственности, или этика» [15, с. 53]. Кавелин считает ошибкой мнения исследователей, которые отождествляют предмет и задачи этики и общественных наук, полагая, что они изучают одно и то же, только с внутренней и внешней сторон соответственно. А.И. Вялов резюмирует, ссылаясь на Кавелина: «Главная задача этики — “указать индивидуальному лицу нормальный путь духовного развития и совершенствования”, задачи права и социальных наук — “устроить правильное общежитие, определить и создать условия, которые ему благоприятствуют”. Таким образом, право соприкасается с этикой лишь настолько, насколько это служит делу построения и нормального функционирования общества, этика же — в той мере, в какой это способствует развитию внутренней, душевной жизни» [4, с. 205]. Но склонный к синтезам Кавелин считает, что при «правильной постановке» этика и социальные науки дополняют друг друга, а индивидуальные и общественные аспекты нравственности не разделены полностью.

Как и насколько этика Кавелина связана с социальной мыслью в плане познания личности и общества? Кроме «венца всех наук и последнего заключительного слова всего знания» психологии и этики, другие науки также небесполезны: они изучают внешние, общественные, условия как «источники психической деятельности» [15, с. 10]. Кавелин в своей этике специально не рассматривает внешнее поведение человека в обществе, межличностные отношения, не дифференцирует нравственные принципы по их принадлежности к разным культурам, обществам,

социальным группам и т. п., но придает нравственным идеалам и нормам «общечеловеческое значение». В его этическом учении, обращенном к внутренней жизни индивида, можно усмотреть *социально-философские аспекты*, соединяющие личность и общество, которые автор не акцентирует, но и обойтись без них не может.

Определяя отношения этики и социальных наук, Кавелин (как и вообще в своих рассуждениях) использует гегелевскую диалектическую триаду: тезис — антитезис — синтез. Вот некоторые примеры синтеза противоположных утверждений: «Социальные науки и этика имеют разные предметы, но стремятся, как и вероучение, к одной с нею цели» [15, с. 89], «...этика, право и социальные науки, составляя особые, независимые области, в некоторых пунктах соприкасаются между собою, вплетаются взаимно и вследствие того действуют и влияют друг на друга» [15, с. 93].

Этот, пусть и неполный, синтез нравственного и общественного, субъективного и объективного проявляется в бытии как отдельного человека, так и обществ, «всего рода человеческого». Таким образом, снимается оппозиция «личность — общество»¹².

Хотя Кавелин постоянно подчеркивает, что «сожитительство людей» существует по своим законам, имеет свои цели и задачи, отличающиеся от тех, по которым живут индивиды, он явно приходит к синтезу нравственности и общественного бытия в *отдельном человеке*: «Нравственно развитый человек, — пишет он, — есть наилучший из граждан, членов организованного общежития, потому что по внутреннему убеждению исполняет обязанности и приносит жертвы, необходимые для правильного сожитительства людей» [15, с. 93]. Кавелин также говорит о синтезе нравственных начал и общественного бытия *социальных общностей*. Он не соглашается с мнением, будто нравственность не имеет значения в «устройстве быта... обществ, народов и всего человеческого рода» [15, с. 59]. Напротив, по мере исторического развития люди сближают субъективный и объективный миры, стремясь удовлетворить свои потребности: «...чем долее живет род человеческий, тем более этот объективный мир прилагивается к потребностям и нуждам людей, которые... все более и более прилагиваются к нему. Чем более оба мира, объективный и субъективный, между собою таким образом сближаются, тем их взаимная зависимость друг от друга будет становиться сильнее, а следовательно, нравственные элементы будут играть тем бóльшую и бóльшую роль в устройении объективного порядка дел и вещей» [15, с. 60].

Социально-философский аспект содержится в описании Кавелиным механизма соединения субъективных идеалов человека с идеалами общественными. Первые, зарождаясь в «душе человека», могут приобретать надличностный характер, они не замыкаются внутри души. Их субъективная идеальность, таким образом, становится объективной, общностной. Как отмечалось, общество для Кавелина — это ноумен, «отвлеченная», то есть идеальная, реальность. Но человек способен соединиться с ней благодаря собственной «идеальной реальности» — сознанию. Оно выводит человека в идеальный мир, «который подымает его до всеобщего, тянет неудержимо к совершенствованию, которое состоит в стремлении

¹² Как отмечают исследователи историко-культурных идей Кавелина, «главным противоречием, явившимся источником диалектического развития русской истории, является оппозиция “личность — общество”, которая в отечественных историко-культурных условиях приобретает следующий вид: семейный (или родовой) закон и “начало личной самостоятельности”» [3, с. 46].

к идеалу, в усилиях осуществить его в действительности» [15, с. 10]. Соединение с «всеобщим» преобразует человека как члена общества и участника истории: оно может вывести «из узкого, тесного круга обособленной индивидуальности и поднять его до идеального типа... сложившегося чрез отвлечение и обобщение качеств и свойств человеческой природы, признаваемых в данное время, при известных обстоятельствах и при господствующих понятиях и взглядах, за самые совершенные» [15, с. 56–57].

Другое связующее звено между индивидом и обществом, философски усматриваемое Кавелиным, — способность к сознательной, творческой деятельности¹³, благодаря которой человек приспосабливает объективный мир «к потребностям... существования людей, личного и коллективного». В сферу этических интересов мыслитель включает только субъективные идеалы и субъективную деятельность. Но считает, что изучение деятельного начала человека с его субъективной и объективной сторон дает серьезные авансы социальной мысли в широком смысле слова: «Но что еще гораздо значительнее — при таком взгляде исчезает непереступаемая граница, которая до сих пор разделяла личную, индивидуальную жизнь от общей и коллективной, субъективную от объективной», — пишет Кавелин [15, с. 33].

Еще один социально-философский аспект кавелинской этики связан с пониманием свободы воли человека. Она, являясь «психическим фактом», «совершается на материальной подкладке», то есть не ограничивается только внутренними мотивами, но, как и необходимость, определяется некими внешними условиями, «объективным материалом» общественной жизни. Свобода воли, по мнению Кавелина, «ничего не производит», но комбинирует этот «материал» в «иные сочетания»¹⁴ [15, с. 20–24]. Чтобы свобода воли стала доступной научному исследованию, мыслитель предлагает подходить к ней как к живому явлению, обнаруживающему себя вовне, а не как к логической спекуляции.

* * *

Главной целью «Задач этики» автор назвал разработку этики на научной основе, разрешение противоречий социальной мысли и поиски научного метода. В этическом учении он предполагал различать «отвлеченное» мышление и научное. «Единственную нашу целью было показать, — писал Кавелин, — что этическая точка зрения вовсе не противоречит научной, что этические идеалы совсем не общие места, а так же важны и действительны в практической жизни, как и объективные...» [15, с. 75].

Насчет научности кавелинского этического учения существуют разноречивые мнения, что, возможно, объясняется отмеченным нами его синтетическим характером. Так, В.В. Зеньковский считает, что, несмотря на отсутствие у Кавелина «поклонения» естествознанию и позитивизму, его этические построения — не научные, а философско-идеалистические. «Строгая моральная оценка действительности у Кавелина никак не может быть выведена из его “научной” этики, — на

¹³ О понимании Кавелиным субъективной и объективной деятельности, субъективных и объективных идеалов см.: [15, с. 50–54].

¹⁴ Совместимость в «психических фактах» Кавелина материального и духовного начал, проблемы их разграничения анализирует М.М. Троицкий, см.: [32, с. 10–13, 47].

самом деле эта оценка вытекает у Кавелина из чисто морального идеализма, то есть не связана ни по существу, ни в своем генезисе с его мнимо-научным построением этики», — пишет философ [12, с. 338]. Несмотря на открывшуюся Кавелину «субъективную правду этической сферы человека», он, по мнению Зеньковского, «наивно верит в “научное обоснование этики” на том основании, что ныне, благодаря успехам психологии, “доступны исследованию самые сокровенные тайны бытия”, но фактически он нисколько не стеснен “научным исследованием” фактов этической жизни. Его очень высокое этическое вдохновение *по существу самостоятельно и независимо*. Его подчинение науке не идет дальше признания того, что “свобода возможна в человеке лишь при определенных условиях, что она не есть нечто само по себе безусловное”, но, сделав эту оговорку, Кавелин затем уже свободно и смело строит *этику идеалистического характера*» [12, с. 337]. Поскольку сознание человека имеет дело не с реальными фактами, а с его внутренними состояниями, поясняется далее, «право этического сознания ставить человеку *свои* задачи (независимо от внешней необходимости) для Кавелина бесспорно» [12, с. 337].

Философ и психолог М.М. Троицкий назвал подход Кавелина реал-идеализмом, а его самого — «положительным мыслителем». По мнению Троицкого, «в *Задачах этики* Кавелин не обошел ни одного из основных пунктов своей прежней метафизики души, а, очевидно, с намерением поставил их на вид и дал им такую обработку, в которой не осталось и следа их метафизического смысла» [32, с. 59–60]. Однако психология Кавелина, считает Троицкий, во многом утратила свою оригинальность, «положительное учение его о психических явлениях не отличается ни ясностью, ни новизной и далеко не отвечает современным успехам психологии» [32, с. 60]. Вместе с тем, по оценкам Троицкого, Кавелин «достиг того, к чему стремился неумоимо всю свою жизнь; в *Задачах этики* — «последнее слово его долговременного философского труда над величайшим из всех научных вопросов — над вопросом о методе науки — заключительный шаг его постепенной переработки себя из метафизика сороковых годов в современного положительного мыслителя» [32, с. 60].

В наши дни исследователь психологических идей Кавелина А.В. Юлова усматривает непосредственную связь между его учением и «российскими школами истории и социологии» [35]. Так, она обнаруживает влияние Кавелина на русскую субъективную школу (Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров), разработавшую концепции «героя и толпы», роли личности в истории, общественного прогресса, а также на представления Н.И. Кареева об историческом прогрессе «в виде серии личных инициатив, совершенствующих культурную традицию новизной своих целевых устремлений, воодушевляющих народные массы на их реализацию» [35, с. 16].

Заключение

Без специального исследования трудно утверждать, насколько и в каком отношении «программа» К.Д. Кавелина *повлияла* на развитие социологии в последующий дореволюционный период и тем более на дальнейших этапах. Однако определенно можно говорить о *связи* между кавелинскими идеями второй половины XIX в. и дореволюционной социальной мыслью в плане научно-теоретическом,

социально-философском, эпистемологическом. Своеобразие и оригинальность подхода Кавелина — в попытках теоретического синтеза, стремлении объединить все полезное в господствующих направлениях науки и философии, снять идейные напряжения между исследованиями личности и общества.

Смысл работ Кавелина, их логическое построение трудно назвать прозрачными и легкими для восприятия современного читателя. Автор делает много повторов, иногда прерывает начатую мысль, возвращаясь к уже пройденной, порой противоречит себе. Эволюция рассуждений Кавелина о развитии социальной мысли рассматриваемого периода, возможно, представлена нами не без «домысливания», призванного устранить некоторые пробелы и неясности его текстов. Во всяком случае, на наш взгляд, есть возможность проследить поступательное развертывание подхода Кавелина от психологического изучения внутреннего мира личности к этическому, совмещающему научные и социально-философские основания и методы, какими их представлял автор.

В «программе» Кавелина заключено лишь одно из возможных видений состояния и развития социальной мысли. Но в сравнении с другими авторами он едва ли не с наибольшей систематичностью в течение многих лет следил за развитием социального познания, в публикациях на темы современной ему жизни писал о выборе мировоззренческих и методических подходов к их исследованию, демонстрируя оригинальный взгляд на духовно-нравственную сторону общества и личности, акцентируя внимание на ответственности социального мыслителя. Такая установка, неизменный интерес к духовно-нравственному развитию общества сами по себе заслуживают внимания. Мировоззренческая позиция Кавелина основана на принципах социологического номинализма, антропоцентризма, психологизма. Однако автор не замыкается в психологизме, так как считает важным и внешнее — общественное — влияние на внутренний мир человека. Подчеркивается и обратное влияние: «Личность, сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство, — есть необходимое условие всякого духовного развития народа» [17, с. 18]. В своей этике Кавелин фактически соединяет субъективное и объективное, нравственное и общественное. Он указывает на социальную обусловленность нравственности и свободы воли, несмотря на то что они представляют собой «психические факты»; на объединение людей за счет перехода субъективных идеалов в общественные; на деятельное начало личности в жизни общества и т. п. Отсюда следует предлагаемая Кавелиным междисциплинарная, синтетическая методология социальной мысли своего времени.

Труды Кавелина имеют не только историко- и социально-научное, но и культурное значение. Ценно то, что при создании своего учения Кавелин исходит из осмысления российской ситуации, сложившейся в интеллектуальной среде, общественной жизни, исследует духовно-культурную атмосферу пореформенной России второй половины XIX в., к которой принадлежал сам. Кавелин стал одним из тех первопроходцев, которые в ситуации научной и исторической неопределенности искали пути исследования российского общества. Признавая первенство европейских социальных наук, они многое там почерпнули, однако не путем слепого подражания, а в попытках применить западные теории к собственному обществу. В фокусе внимания Кавелина были вопросы соотношения самобытности российской общественной мысли и влияний Запада, ее ценностные основания и пер-

спективы развития, возможности общественных идей способствовать решению проблем российского общества и улучшению его жизнеустройства. Мыслитель стремился выяснить причины отставания российской науки от западной.

Можно предположить, что идеи Кавелина лежат в русле традиционных тенденций русской социальной и социально-философской мысли дореволюционного периода. Ключевые понятия и положения его творчества — центральное место личности, нравственные идеалы, преимущественно христианские, общественный прогресс, приоритет духовного над материальным, неразрывность знания и общественной практики, преобразующее значение науки — традиционны и для русской мысли в целом (см., например: [12]). На примере второй половины XIX в. Кавелин наглядно показывает радикальные идейные повороты социальной мысли, несмотря на это, сохраняющей свои традиционные, инвариантные черты, обусловленные социокультурными и ментальными особенностями российского общества. Кавелину свойственно признание преемственности, наследования новыми направлениями идей и ошибок предыдущих.

Представляется, что многие духовные проблемы российского общества циклически повторяются в истории, но на новом цивилизационном уровне. В наше время социальные науки в России снова находятся на историческом перепутье, частью пересматривая влияние западной науки, отказываясь от него, а частью следуя ему и отстаивая соответствующие приоритеты. На очередном перепутье находится и само российское общество. В «Злобах дня» К.Д. Кавелин высказал интересное историософское наблюдение: в конце каждой эпохи, когда общественные устои изживают себя, человек в поисках дальнейшего пути обращается к своему внутреннему «Я», даже если внешняя жизнь в это время устроена вполне благополучно. В такие времена, по мнению мыслителя, явными и острыми становятся вопросы самосовершенствования, духовно-нравственной жизни индивида и общества, усиливается ответственность наук по изучению внутреннего мира общественного человека. Если это так, то подобные наблюдения Кавелина полуторавековой давности при внимании к ним социальных ученых сегодня могут приобрести значение и для задач российской науки, и для общественной жизни.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Козлова Лариса Алексеевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** LarissaKozlova@yandex.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 146–174. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.8

Research Article

LARISSA A. KOZLOVA¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Bl. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

THE OBJECTIVES OF SOCIAL COGNITION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: K.D. KAVELIN'S "PROGRAM"

Abstract. This article examines the views of Konstantin Dmitrievich Kavelin (1818–1885), a Russian social thinker and public figure, on the objectives of social scientific knowledge in his time. It provides a historical description of his intellectual influences, a phenomenological account of his personal experience, a textual analysis of his late works, and addresses several source studies issues related to the ideological atmosphere of the period under study and his creative work. An attempt is made to study Kavelin's later legacy from historical-sociological, socio-philosophical and epistemological points of view, in the context of the evolution of his ideas aimed at developing a methodology of social cognition, which has not previously received attention in the scientific literature. The article draws on works from the 1870's and 1880's, letters and memoirs by Kavelin and his circle, as well as the works of contemporary Russian social scientists.

It is shown that K.D. Kavelin's interest in the spiritual and moral life of the Russian people, "our mental formation", had personal roots and meanings, and was linked to his worldview, character traits, the influence of his intellectual environment and social interests. Kavelin's assessments of the main trends in Russian philosophy and science are presented. While critiquing them, he offers his own vision of the development of social cognition, which can be loosely called a theoretical "program." At its center is attention to the individual, their needs, and the paths of their spiritual, moral and mental development; the individual is the main element of society and the engine of social progress. Kavelin's complex of theoretical and methodological ideas is based on a synthesis of psychological and ethical views; the development of social thought is dependent on the state and prospects of psychology and ethics as priorities for understanding man and society in contemporary Russia.

It is revealed that Kavelin's "program" in his later years evolves from the formulation of psychological tasks to formulating ethical and philosophical ones and is ultimately determined by the synthesis of psychological and socio-philosophical ideas. His worldview and proposed methodology of social cognition are based on the principles of sociological nominalism, anthropocentrism, and psychologism. Conclusions are drawn about the contribution of K.D. Kavelin's teachings to the history of Russian thought, about the cultural significance of the "program", as well as the connection between the thinker's theoretical ideas and pre-revolutionary social-scientific traditions in Russia.

Keywords: K.D. Kavelin (1818–1885); history of Russian social thought in the second half of the 19th century; intellectual atmosphere in Russia; "our mental formation"; sociological nominalism; anthropocentrism; psychologism; epistemology; psychology; ethics; social philosophy; tradition of Russian thought.

For citation: Kozlova, L.A. The Objectives of Social Cognition in the Second Half of the 19th Century: K.D. Kavelin's "Program". *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 146–174. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.8](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.8)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larissa A. Kozlova — Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** LarissaKozlova@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Арсланов Р.А. История Российского государства в концепции К.Д. Кавелина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2007. № 1. С. 37–47. EDN: [IJLCIV](https://elibrary.ru/ijlcv)
Arslanov R.A. History of the Russian State in the Concept of K.D. Kavelin. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Istoriya Rossii»*. 2007. No. 1. P. 37–47. (In Russ.)
2. Арсланов Р.А. Кавелин: человек и мыслитель. М.: Изд-во РУДН, 2000. — 377 с.
Arslanov R.A. *Kavelin: Man and Thinker*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia publ., 2000. 377 p. (In Russ.)
3. Бледный С.Н., Смирнова М.И. Творчество К.Д. Кавелина и его труды в свете поиска национально-культурной идеи России // Вестник МГУКИ. 2016. № 4 (72). С. 49–47.
Bledny S.N., Smirnova M.I. The Works of K.D. Kavelin and His Works in Light of the Search for a National-Cultural Idea of Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: nauchnyi zhurnal*. 2016. No. 4 (72). P. 49–47. (In Russ.)

4. Вялов А.И. Этические взгляды К.Д. Кавелина // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2013. № 23 (166). Вып. 26. С. 204–214. EDN: [SGSIYZ](#)
Vyalov A.I. Ethical Views of K.D. Kavelin. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo"*. 2013. No. 23 (166). Iss. 26. P. 204–214. (In Russ.)
5. Голосенко И.А. Буржуазная социологическая литература в России второй половины XIX – начала XX веков (библиографический указатель). М.: Ин-т социологических исследований АН СССР, 1984. — 110 с.
Golosenko I.A. *Bourgeois Sociological Literature in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Bibliographic Index)*. Moscow: Institute of Sociological Research, USSR Academy of Sciences publ., 1984. 110 p. (In Russ.)
6. Голосенко И.А. Русская социология: ее социокультурные предпосылки, междисциплинарные отношения, основные проблемы и направления // Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России. М.: Академия наук СССР; ИСИ, ССА, 1986. — 193 с.
Golosenko I.A. Russian Sociology: Its Sociocultural Prerequisites, Interdisciplinary Relations, Main Problems, and Directions. *From the History of Bourgeois Sociological Thought in Prerevolutionary Russia*. Moscow: USSR Academy of Sciences; ISI publ., SSA publ., 1986. 193 p. (In Russ.)
7. Гуревич П. С. Умственный строй как тема К. Д. Кавелина // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35 (3). С. 132–139.
Gurevich P.S. Mental System as a Theme of K.D. Kavelin. *Byulleten' Kalmytskogo universiteta*. 2017. No. 35 (3). P. 132–139. (In Russ.)
8. Ерыгин А.Н. Традиционная и модернизирующая Россия в философии истории русского либерализма (К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2004. — 373 с. EDN: [QWLDXJ](#)
Erygin A.N. *Traditional and Modernizing Russia in the Philosophy of the History of Russian Liberalism (K.D. Kavelin, S.M. Soloviev, B.N. Chicherin)*. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House, 2004. 373 p. (In Russ.)
9. Живайкина А.А. К.Д. Кавелин: Опыт философского анализа культуры // Известия Саратовского университета. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2009. Т. 9. Вып. 4. С. 8–12. DOI: [10.18500/1819-7671-2009-9-4-8-12](#)
Zhivaikina A.A. K.D. Kavelin: An Experience of Philosophical Analysis of Culture. *Byulleten' Saratovskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika"*. 2009. Vol. 9. Iss. 4. P. 8–12. DOI: [10.18500/1819-7671-2009-9-4-8-12](#) (In Russ.)
10. Живайкина А.А. Система философских взглядов К.Д. Кавелина: историко-философский анализ: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.03 — история философии по философским наукам / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2010. — 150 с. EDN: [QFBGQZ](#)
Zhivaikina A.A. *The System of Philosophical Views of K.D. Kavelin: Historical and Philosophical Analysis: Dis. for Cand. Sci. Degree. Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.03 — History of Philosophy Based on Philosophical Sciences*. Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. Saratov, 2010. 150 p. (In Russ.)
11. Загороднова И.В. К вопросу о науках, средствах и идеалах, формирующих нравственную личность (по работам К.Д. Кавелина) // Интеграция образования. 2001. № 4. С. 10–12. EDN: [QBKHTL](#)

- Zagorodnova I.V. On the Issue of Sciences, Means, and Ideals that Shape a Moral Personality (Based on the Works of K.D. Kavelin). *Integratsiya obrazovaniya*. 2001. No. 4. P. 10–12. (In Russ.)
12. Зеньковский В.В. Истории русской философии. М.: Академический Проект; Раритет, 2001. — 880 с.
Zenkovsky V.V. *Histories of Russian Philosophy*. Moscow: Akademicheskii Proekt publ.; Raritet publ., 2001. 880 p. (In Russ.)
13. Кавелин К.Д. Наш умственный строй // Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / Сост., вступ. ст. В. К. Кантора. М.: Правда, 1989. С. 307–319.
Kavelin K.D. Our Mental Formation. *Our Mental Formation. Articles on the Philosophy of Russian History and Culture*. Comp., Introd. by V.K. Kantor. Moscow: Pravda publ., 1989. P. 307–319. (In Russ.)
14. Кавелин К.Д. Задачи психологии. Соображения о методах и программе психологических исследований. СПб.: Типография Ф. Сушинского, 1872. — 239 с.
Kavelin K.D. *The Objectives of Psychology. Considerations on the Methods and Program of Psychological Research*. Saint Petersburg: Tipografiya F. Sushchinskogo publ., 1872. 239 p. (In Russ.)
15. Кавелин К.Д. Задачи этики: Учение о нравственности при современных условиях знания // Сочинения К. Д. Кавелина. В 4 т. Том третий. Наука, философия и литература. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. С. 897–1018.
Kavelin K.D. The Objectives of Ethics: The Doctrine of Morality under Modern Conditions of Knowledge. *Works of K.D. Kavelin. In 4 volumes. Volume Three. Science, Philosophy, and Literature*. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha publ., 1899. P. 897–1018. (In Russ.)
16. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / Сост., вступ. ст. В.К. Кантора. М.: Правда, 1989. — 654 с.
Kavelin K.D. *Our Mental Formation. Articles on the Philosophy of Russian History and Culture*. Comp., Introd. by V.K. Kantor. Moscow: Pravda publ., 1989. 654 p. (In Russ.)
17. Кавелин К.Д. Собрание сочинений К.Д. Кавелина. Том 1. Монографии по русской истории: [рассуждения, критические статьи и заметки, рецензии К.Д. Кавелина] / СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. — XXXII с., 1052 стб., III с.
Kavelin K.D. *Collected Works of K.D. Kavelin. Volume 1. Monographs on Russian History: [discussions, critical articles and notes, reviews by K.D. Kavelin]*. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha publ., 1897. XXXII p. (In Russ.)
18. Кавелин К.Д. Сочинения К.Д. Кавелина. В 4 т. Том третий. Наука, философия и литература. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. — 1256 с.
Kavelin K.D. *Works of K.D. Kavelin. In 4 volumes. Volume Three. Science, Philosophy, and Literature*. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha publ., 1899. 1256 p. (In Russ.)
19. Кони А.Ф. Памяти К.Д. Кавелина // Сочинения К.Д. Кавелина. Том третий. Наука, философия и литература. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. С. VII–XX.
Koni A.F. In Memory of K.D. Kavelin. *Works of K.D. Kavelin. Volume Three. Science, Philosophy, and Literature*. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha publ., 1899. P. VII–XX. (In Russ.)
20. Корсаков Д. Кавелин, Константин Дмитриевич // Русский биографический словарь. Т. 8. СПб.: Типография главного Управления Уделов, 1897. С. 358–373. Дата обращения: 25.08.2025. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/a8e/8.pdf>

- Korsakov D. Kavelin, Konstantin Dmitrievich. *Russian Biographical Dictionary*. Vol. 8. Saint Petersburg: Tipografiya glavnogo Upravleniya Udelov publ., 1897. P. 358–373. Accessed 25.08.2025. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/a8e/8.pdf> (In Russ.)
21. Корсаков Д.А. Жизнь и деятельность К.Д. Кавелина // Собрание сочинений К.Д. Кавелина. Том. 1. Монографии по русской истории. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. С. IX–XXX.
Korsakov D.A. *Life and Work of K.D. Kavelin. Collected Works of K.D. Kavelin. Vol. 1. Monographs on Russian History*. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha publ., 1897. P. IX–XXX. (In Russ.)
22. Корсаков Д.А. Константин Дмитриевич Кавелин. Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1887. № 2. С. 457–488.
Korsakov D.A. Konstantin Dmitrievich Kavelin. Materials for a Biography. From Family Correspondence and Memories. *Vestnik Evropy*. 1887. No. 2. P. 457–488. (In Russ.)
23. Кочукова О.В. «Источник всех идеалов — нравственная личность»: К.Д. Кавелин в дискуссиях о нравственности, религии и искусстве (70–80-е гг. XIX в.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 137–144. DOI: [10.18500/1819-4907-2016-16-2-137-144](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-2-137-144) EDN: [WKPJCL](https://www.edn.ru/entry/WKPJCL)
Kochukova O.V. “The Source of All Ideals is a Moral Personality”: K.D. Kavelin in Discussions on Morality, Religion, and Art (1870s–1880s). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya “Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya”*. 2016. Vol. 16. Iss. 2. P. 137–144. DOI: [10.18500/1819-4907-2016-16-2-137-144](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-2-137-144) (In Russ.)
24. Малинов А.В. Философия русской истории К.Д. Кавелина // Вече: Журнал русской философии и культуры. 2017. № 29. С. 65–71. EDN: [YNHWUG](https://www.edn.ru/entry/YNHWUG)
Malinov A.V. Philosophy of Russian History by K.D. Kavelin. *Veche: Zhurnal russkoi filosofii i kul'tury*. 2017. No. 29. P. 65–71. (In Russ.)
25. Медушевский А.Н. Глава 1. Юридическая школа и ее социологическая концепция. Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский // История русской социологии; 2-е изд. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 44–55.
Medushevsky A.N. Chapter 1. The Legal School and Its Sociological Concept. B.N. Chicherin, K.D. Kavelin, A.D. Gradovsky. *History of Russian Sociology*. 2nd ed. Moscow–Berlin: Direct-Media publ., 2015. P. 44–55. (In Russ.)
26. Михайлова Е.Е., Пьянова Л.В. Гуманистический смысл философии истории К.Д. Кавелина // Вестник Тверского государственного технического университета. 2007. № 11. С. 200–203. EDN: [TJBAXR](https://www.edn.ru/entry/TJBAXR)
Mikhailova E.E., P'yanova L.V. The Humanistic Meaning of K.D. Kavelin's Philosophy of History. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2007. No. 11. P. 200–203. (In Russ.)
27. Михайлова Е.Е. Смысловая значимость славянофильства в оценке К.Д. Кавелина // Философский полилог. 2017. Вып. 2. С. 129–135. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.11>
Mikhailova E.E. The semantic significance of Slavophilism according to Konstantin Kavelin. *Filosofskii polilog*. 2017. Iss. 2. P. 129–135. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.11> (In Russ.)
28. Назаров В.Н. История русской этики: Учебное пособие по направлению подготовки «Прикладная этика» — 032200. М.: Гардарики, 2006. — 319 с. EDN: [QWMZLD](https://www.edn.ru/entry/QWMZLD)

- Nazarov V.N. *History of Russian Ethics: A Textbook in the Direction of Preparatory Studies "Applied Ethics"* — 032200. Moscow: Gardariki publ., 2006. 319 p. (In Russ.)
29. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время / Барон Б.Э. Нольде. Paris: Soc. anonyme impr. de Navarre, 1926. — 245 с.
Nolde B.E. *Yuri Samarin and his Time*. Paris: Soc. anonyme impr. de Navarre publ., 1926. 245 p. (In Russ.)
30. Погудина Т.В. Философия К.Д. Кавелина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3–1. С. 29–40. EDN: [RCRYEP](#)
Pogudina T.V. Philosophy of K.D. Kavelin. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2013. No. 3–1. P. 29–40. (In Russ.)
31. Самарин Ю.Ф. Разбор сочинений К.Д. Кавелина «Задачи психологии» // Сочинения. Иезуиты и статьи философско-богословского содержания. Т. VI. М.: Типография А.И. Мамонтова и К^о, 1887. С. 371–478.
Samarin Yu.F. Analysis of the works of K.D. Kavelin “The Objectives of Psychology”. *Works. Jesuits and articles of philosophical and theological content*. Vol. VI. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i Co. publ., 1887. P. 371–478. (In Russ.)
32. Терехова Н.С. Идея государства в социально-политической концепции К.Д. Кавелина // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–3 (56). С. 257–261. EDN: [KXOGJR](#)
Terekhova N.S. The Idea of the State in the Socio-Political Concept of K.D. Kavelin. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. No. 4–3 (56). P. 257–261. (In Russ.)
33. Троицкий М.М. К.Д. Кавелин (Страница из истории философии в России). 1885. — 64 с. DOI: [10.5962/bhl.part.17898](#)
Troitsky M.M. *K.D. Kavelin (A Page from the History of Philosophy in Russia)*. 1885. 64 p. DOI: [10.5962/bhl.part.17898](#) (In Russ.)
34. Тюлина А.В. К.Д. Кавелин о природе исторического процесса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 27 (61). С. 285–291. EDN: [KNOATX](#)
Tyulina A.V. K.D. Kavelin on the Nature of the Historical Process. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. Aspirantskie tetradi*. 2008. No. 27 (61). P. 285–291. (In Russ.)
35. Чеснова Е.Н., Вялов А.И. Реконструкция учения К.Д. Кавелина о соотношении этики // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 86–92. EDN: [STYBXJ](#)
Chesnova E.N., Vyalov A.I. Reconstruction of KD Kavelin’s Teaching on the Relationship between Ethics. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2014. No. 2. P. 86–92. (In Russ.)
36. Юлова А.В. Психологические воззрения К.Д. Кавелина: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук: 19.00.01. Н. Новгород, 2003. — 19 с. EDN: [NMIXJT](#)
Yulova A.V. *Psychological views of K.D. Kavelin: Abstract of a dissertation for a candidate of psychological sciences degree: 19.00.01*. N. Novgorod, 2003. 19 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.10.2025; поступила после рецензирования и доработки: 14.11.2025; принята к публикации: 05.12.2025.

Received: 04.10.2025; revised after review: 14.11.2025; accepted for publication: 05.12.2025.